Статья/Article

УДК 929.52
DOI: 10.26795/2307-1281-2019-7-1-9

СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. Ю. Помникова*[1]

[1]Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Владивосток, Российская Федерация
**e-mail: pomnikova_a@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: последние десятилетия характеризуются возрождением интереса наших сограждан к истории своих семей, одной из основных форм бытования которой являются семейные истории. Эти истории – как о настоящем семьи и её субъектов, так и об их прошлом – органично вплетаются в наше коммуникативное пространство, какой бы деятельностью мы ни занимались.

Материалы и методы: исследование проводилось на материале текстов (как устных, так и письменных), содержащих информацию о семье адресанта и её субъектах и представленных в различных типах дискурса. Основные методы включали метод наблюдения за коммуникативным поведением, метод изучения форм и видов представления зафиксированных семейных историй в дискурсивном пространстве, метод анализа полученного материала и метод обобщения при выведении общих принципов и закономерностей.

Результаты исследования: целью настоящей статьи являлся анализ различных типов дискурса для выявления представленности в них семейных историй и определении роли последних в различных сферах нашей жизни. Рассмотрев межличностный (бытовой и бытийный) и несколько видов институционального дискурса (научный, научно-популярный, политический, медицинский, педагогический и рекламный), мы определили, каким образом в каждом из них представлены семейные истории, с какой целью субъекты прибегают к подобного рода историям в каждом из проанализированных типов дискурса и какие аспекты истории семей являются наиболее актуальными для каждого из них. В результате проведённого исследования было определено, что семейные истории органично вплетаются в коммуникативное пространство каждого из проанализированных видов дискурса, но в каждом из них они используются с определённой целью.

Обсуждение и заключение: если рассматривать совокупность знаемого нами об истории нашей семьи как единую семейную историю (которая как бы «складывается» из множества отдельных, частных семейных историй), то можно сделать вывод о её проникновении во все сферы нашей жизни. Наша семейная история как бы «пронизывается» теми типами дискурса, в которых мы участвуем, и, будучи включена в коммуникативное пространство, сохраняется в нём.

Ключевые слова: дискурс; семейная история; история семьи; межличностный дискурс; институциональный дискурс.

Для цитирования: Помникова А.Ю. Семейная история в дискурсивном пространстве // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, №1. С 9.

FAMILY STORIES IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

A. Yu. Pomnikova*[1]

[1]*Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russian Federation*

**e-mail: pomnikova_a@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the last decades are characterized by a rising tide of interest of Russian citizens for the history of their families. The main form of its existence are family stories - both about the present of the family and its subjects, and about their past. These stories become natural part of our communicative space, no matter which type of activity and what social roles we are involved in.

Materials and methods: the study was conducted on the material of texts - both oral and written, - containing information about addresser's family. The main methods included the method of communicative behavior observation, the method of studying the forms and types of representation of family stories in different types of conversation, the method of analyzing and the method of generalization.

Results: the purpose of this article was to analyze various types of discourse in order to identify the presence/absence of family stories in each of them, and to determine the role of such stories in various spheres of our life. Having considered interpersonal and several types of institutional discourse (scientific, popular scientific, political, medical, pedagogical and advertising), we examined how each of them presents family stories, for what purpose subjects use this kind of stories in each of the analyzed types of discourse and which aspects of family history are most relevant in each case. As a result of the study, it was determined that family stories play a significant role in our communication in each of the analyzed types of discourse, but in each of them they are used with a specific purpose.

Discussion and conclusion: if we consider everything we know about our family as a family history (that consists of many separate, private family stories), then we can conclude that it flows into all spheres of our life. Our family history is penetrated by different types of discourse in which we participate, and, being included in our communication, is preserved in it.

Keywords: discourse, family stories, family history, interpersonal discourse, institutional discourse.

For citation: Pomnikova A.Yu. Family stories in different types of discourse // Vestnik of Minin University. 2019. Vol. 7, no. 1. P 9.

Введение

В последние годы в российском обществе наблюдается всплеск интереса к истории собственной семьи и своим предкам. Все больше людей задаются вопросом, какова история их семей, хотят создать собственную родословную и узнать о жизни предыдущих поколений. На местном уровне проводятся генеалогические собрания и семинары, публикуются книги

по истории отдельных регионов и родов, издаются родословные книги установленного образца. В детских садах и школах организуются ознакомительные занятия по генеалогической тематике, преподаватели вузов внедряют практику генеалогических исследований в свои занятия. Акция «Бессмертный полк», приуроченная ко Дню Победы, за 7 лет своего существования превратилась из городской инициативы местных журналистов в событие мирового масштаба. Однако для многих людей по-прежнему остаётся актуальной проблема поиска информации об истории своих семей. При этом история семьи – это не только информация о наших предках, но и всё то, что происходит с нами как представителями данной семьи и со всеми нашими родственниками. Одной из основных форм сохранения знания о семье являются семейные истории, функционирующие в коммуникативном пространстве каждой семьи: как передающиеся из поколения в поколение, так и «рождающиеся» в нашем повседневном общении. И хотя ценность и значимость (как для отдельных индивидов, так и для поддержания этнической идентичности) семейных историй признаётся многими исследователями, их изучение пока не носит всестороннего характера.

Семейные истории настолько органично вплетены в нашу коммуникативную повседневность, что мы даже не осознаем, насколько широко они представлены в самых разнообразных сферах нашего общения. Цель настоящей статьи заключалась в выявлении характера, способов и роли функционирования семейных историй в дискурсивном пространстве и определении характерных черт семейных историй в каждом из проанализированных типов дискурса.

Поскольку именно анализ дискурсов «помогает понять, как наша речь «работает» в тех или иных жизненных ситуациях, какие ментальные процессы происходят в эти моменты и как всё это связано с психологическими и социокультурными факторами» [15, с. 161], в статье проанализировано функционирование семейных историй в терминах дискурсологии, ведь «с точки зрения теории дискурса … любое явление вписано в контекст, который и придаёт ему полноту смысла» [31, с. 86]. Поэтому в задачи данной статьи входил анализ того, каким образом различные типы дискурсов пронизывают семейную историю, а также определение причин проникновения такого рода историй в то или иное дискурсивное пространство.

Обзор литературы

Проблематика вопроса, связанного с семейными историями, привлекает больше внимания зарубежных учёных [35; 37; 38; 44; 50; 53; 54], хотя и на русском языке представлен ряд работ, посвященных рассмотрению отдельных аспектов данного вопроса [3; 5; 7; 8; 9; 13; 16; 17; 30]. Активно разрабатывается теория дискурса: как её теоретические основы [2; 14; 15], так и изучение конкретных типов [11; 21; 22; 28; 31]. Однако функционирование семейных историй в дискурсивном пространстве пока не становилось предметом специального научного исследования.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили как устные, так и письменные истории, содержащие сведения (повествующие) о семье адресанта и её субъектах. При этом предметом анализа выступали не истории «сами по себе», а тексты, «взятые в событийном

аспекте», то есть «в совокупности с экстралингвистическими: прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами»[1], а также «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [28, с. 165]. Поскольку довольно большой объем информации о семье сохраняется не только в текстах (как устных, так и письменных), но и в контенте другого рода: фотографиях, видео, аудио, даже конкретных предметах самого различного размера[2], – мы рассматривали в исследовании и его, но только в совокупности с вербальной составляющей каждой конкретной истории. Мы проанализировали семейные истории, сопровождавшие показ семейных фотографий и демонстрацию «семейных реликвий», а также материалы социальных сетей. При проведении исследования были использованы метод наблюдения за коммуникативным поведением людей, представляющих себя в данном коммуникативном пространстве в первую очередь субъектами своих семей, метод изучения форм и видов представления зафиксированных семейных историй в дискурсивном пространстве, метод анализа полученного материала и метод обобщения при выведении общих принципов и закономерностей функционирования семейных историй в различных типах дискурса.

Сначала мы изучили обозначенные устные и письменные тексты в частности (как семейные истории в различных типах дискурса), а затем, прибегнув к индукции, проанализировали, каким образом различные типы дискурса пронизывают семейную историю в целом[3].

Результаты исследования

Н.Ф. Алефиренко рассматривает дискурс как «субъективное речемыслительное отражение в нашем сознании картины мира» [2, с. 5]. А поскольку картина мира любого человека включает в себя представление о себе как о субъекте определённой семьи, рассмотрение семейных историй в свете теории о дискурсе представляется продуктивной задачей. При этом «важнейшим средством … вербальной репрезентации» нашей картины мира служит словесный текст» [2, с. 5], поэтому в данной работе проанализировано представление знаний о семье и её субъектах главным образом в различных «словесных текстах».

Под семейными историями мы понимаем любой контент, сохраняющий и передающий информацию о любых субъектах конкретной семьи. Совокупность этого контента мы определяем аналогичным понятием в единственном числе: семейная история, представляющая собой весь комплекс зафиксированной части информации об истории семьи, складывается из множества составляющих, выражающих это знание, – семейных историй. Понятие *семьи* мы трактуем максимально широко – как совокупность абсолютно всех родственников[4] и предков[5] конкретного человека. *История семьи* в таком случае

[1] Это не просто текст, а «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (их характеристики), так и о процессах производства и восприятия» [25, с. 11].

[2] Так называемыми «семейными реликвиями» – вещественными составляющими семейной истории – могут выступать и чернильница прадеда, и дом, в котором жили Ваши предки.

[3] Разграничение этих двух понятий – семейной истории и семейных историй – будет объяснено чуть позже.

[4] Степень родства не важна – это могут быть и члены наших семей, с которыми мы вместе живём и ведем общее хозяйство, и четвероюродные тетушки, которых мы никогда не видели.

подразумевает всю информацию – не только известную нам, но и скрытую от нас пространством или временем – обо всех этих людях, а *семейные истории* являются зафиксированной и известной нам частью этой информации, которая фигурирует в нашем коммуникативном пространстве.

Понятие *«дискурс»*, несмотря на использование данного термина в течение уже более полувека, до сих пор является причиной научных дискуссий. И чем дольше оно используется, тем больше определений приобретает. В научной литературе разработаны уже и общие обзоры его толкований [31, с. 76-85], и даже обзоры обзоров [24, с. 16-24].

Поскольку «дискурсивная деятельность обеспечивает реализацию целого ряда когнитивных возможностей и способностей человека, прежде всего таких, как восприятие, память, прогнозирование, ментальное соотнесение событий, выстраивание ассоциативных связей, установление причинно-следственных закономерностей» [28, с. 165], именно результаты этой деятельности помогают проанализировать обозначенные ментальные способности. В частности, мы можем проследить, какое влияние оказывают семейные истории на нас и на наше восприятие окружающего мира, какие ассоциативные связи выстраиваются вокруг них, как истории наших семей участвуют в построении нашей картины мира.

Так как каждый вид деятельности порождает свой тип дискурса со всеми присущими ему особенностями, разновидностей дискурса столько, сколько видов человеческой деятельности [11, с. 43].

Вслед за М. Хэллидеем мы будем определять дискурс через три параметра: *тема*, *участники* и *способ*. Напомним, что под темой понимается «сфера социального взаимодействия, в которой участники оперируют языком как основным инструментом сотрудничества», «участники рассматриваются в совокупности со всеми статусными и ролевыми задачами и социально значимыми отношениями, в которые они вовлечены», а способ определяется как «собственно функция, выполняемая через употребление языка для достижения определённой цели» [11, с. 43]. При этом участниками институционального дискурса являются «представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты)» [23, с. 167].

По параметру «тема» чаще всего выделяют и анализируют такие виды дискурса, как бытовой, политический, научный, медицинский, педагогический, религиозный, художественный, экономический и научно-популярный. Целью специального изучения становились также транспортный, рекламный, общественный, экологический, академический, деловой, газетный, профессиональный, компьютерный и другие разновидности.

Мы воспользуемся классификацией, предложенной В.И. Карасиком, но будем использовать термины *межличностный* (для описания ситуаций, когда «участники общения стремятся раскрыть свой внутренний мир адресату и понять адресата как личность во всём многообразии личностных характеристик» [14, с. 199]) и институциональный (когда «коммуниканты выступают в качестве представителей той или иной общественной группы, выполняют роль, предписываемую коммуникативной ситуацией») [14, с. 199].

[5] Также в самом широком понимании – это не только прямые предки данного субъекта, но и все предки всех его родственников.

МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ

Межличностный дискурс подразделяется на бытовой и бытийный[6] [14, с. 199].

Бытовой дискурс порождается повседневным общением на бытовые темы. Именно данный тип дискурса В.И. Карасик определяет как генетически исходный [14, с. 199]. Его участниками являются любые субъекты, осуществляющие коммуникацию в условиях данного общения: это и члены наших семей, и наши друзья, и коллеги, и просто знакомые – все те, кто не связан «субъектно-адресными отношениями» [28, с. 166] коммуникации, когда один, оба или все коммуниканты выступают как представители определённого института. И в условиях внутрисемейного общения, и в общении с друзьями и знакомыми, даже в разговоре с незнакомыми людьми семейные истории являются одной из самых распространённых тем. Именно внутрисемейное общение служит основным способом сохранения и передачи информации о семье и её субъектах. Пожалуй, тема семьи является одной из центральных в данном типе общения: в нашем внутрисемейном коммуникативном пространстве функционирует огромное количество историй как о прошлом нашей семьи (истории о предках, о значимых для семьи событиях, о принятых решениях, которые повлияли на определённого субъекта семьи или на всю неё в целом; истории о субъектах семьи в бытность их детьми; о родных и дорогих субъектам семьи местах, о предметах, которые стали частью семейной истории – то, что мы определяем как семейные реликвии[7]), так и о её настоящем (обсуждение недавних семейных событий, проблем или достижений[8], принимаемых решений, жизней родственников, семейных планов и т.п.). Наиболее частыми поводами для рассказывания и обсуждения семейных историй выступают семейные встречи (приезд родственников или собственная поездка к ним, общие празднования или другие мероприятия, на которые собираются субъекты определённой семьи), просмотр фотографий, общение в кругу семьи, изменение состава семьи (обилие семейных историй является традиционной частью внутрисемейного общения накануне или после свадьбы: таким образом новый член семьи как бы «вводится» в неё, происходит его/её знакомство с новой семьёй). Мы часто делимся отдельными семейными историями с друзьями, знакомыми и даже коллегами. А то, насколько откровенны бывают люди со случайными попутчиками, стало общеизвестным фактом. Мимолётность общения позволяет не думать о последствиях рассказываемого и делиться самым наболевшим. А семейные истории, в силу своей высокой эмоциональности, нередко относятся именно к данному типу (например, сетования женщины на своего непутёвого сына/дочь/мужа или, напротив, гордость за своих детей и рвущееся наружу желание «похвастаться»). К тому же семейные истории являются способом «самопрезентации»: мы – это не только наши самости, но и наши семьи. Поэтому именно семейные истории вызывают наиболее яркие и сильные эмоции – самого различного спектра: от гордости до стыда. Желание «поделиться» своей семейной историей побуждает огромное количество людей выкладывать данную информацию в различные социальные сети: в наши дни данная сфера коммуникации наполняется бессчётным количеством контента, посвящённого различным историям из жизни семьи адресанта.

В бытовом дискурсе семейные истории выполняют также функции конструирования идентичности личности через соотнесение себя со своей семьей, своими родными и

[6] Бытийный дискурс предназначен для нахождения и переживания существенных смыслов, здесь речь идет не об очевидных вещах, а о художественном и философском постижении мира [14, с. 193].
[7] Последние часто сопровождают демонстрацию или упоминание этих самых предметов.
[8] Наших как членов данной семьи и любых других родственников.

предками, сохранения и передачи истории семьи, поддержания её идентичности и цельности как группы, они помогают нам лучше понять наших родных и самих себя.

Бытийный дискурс представляет собой общение «в виде художественного, философского, мифологического диалога» [14, с. 199]. История нашей семьи помогает нам понять определённые процессы и общие закономерности течения жизни, историю нашей страны и человечества в целом, найти ответы на «философские» вопросы и посмотреть на свою жизнь в более широком контексте.

Именно межличностный дискурс является самой очевидной сферой «жизни» семейной истории: в общении на бытовые темы мы узнаем о наших родных и предках; просматривая семейные альбомы, вспоминаем запечатлённые на фотографиях события из семейной жизни и обсуждаем изменения в семейной структуре; рассказывая детям и внукам историю своей семьи, мы сохраняем её для будущих поколений. Именно функционирование в семейном и дружеском коммуникативном пространстве превращает историю нашей семьи как информацию обо всех родственниках субъекта, являющегося членом данной семьи, в семейную историю как контент, сохраняющий часть этой информации.

Хотя именно межличностный дискурс является наиболее очевидной зоной функционирования (реализации) семейной истории, она проникает и в различные типы институционального дискурса. Например, научного.

НАУЧНЫЙ ДИСКУРС

Участниками научной сферы социального взаимодействия выступают представители научного сообщества: ученые и исследователи. Цель данного дискурса заключается в «выведения нового знания об окружающем мире, представленного в вербальной форме и обусловленного коммуникативными канонами научного общения». Реализуется данная цель в научном диалоге, основными ценностями которого выступают «истина, знание, исследование» [22, с. 245].

Многие известные генеалоги и историки признавались, что увлеклись генеалогией именно благодаря интересу к истории собственных семей. Неудивительно, что семейная история органично вплетается в соответствующие сферы научного дискурса – в первую очередь, когда речь идет о таких науках, как история, генеалогия, социология и обществознание. История семьи может даже стать темой и объектом диссертационного исследования, как, например, в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Г.И. Саксельцева «Эволюция крестьянской семьи в российской истории конца XVII-XX вв. (на примере рода Саксельцевых)». Поскольку «субъект научной коммуникации – это не просто говорящий или пишущий, а субъект познающий, находящийся в деятельностном отношении к познаваемому объекту и эксплицирующий результат познания в общепринятой в данном социуме, социально установленной форме текста» [22, с. 246], характерной чертой функционирования семейных историй в данном типе дискурса является большая степень абстрагирования и обобщение личной истории до национального уровня: «В этих условиях представляется общественно и научно значимым на примере отдельно взятой семьи (историческую судьбу которой можно считать вполне типичной для российского крестьянства) изучить происхождение и эволюцию крестьянского рода» [26, с. 3]. Субъект научной коммуникации стремится описать («охарактеризовать процесс колонизации Верхнего Прихопёрья в XVII- XVIII вв. как места развития будущего крестьянского рода Саксельцевых» [26, с. 12]; «показать поведенческие стратегии, жизненные практики семьи на различных этапах её существования» [26, с. 12]), проанализировать («проанализировать судьбу крестьянской семьи Саксельцевых и её

отдельных представителей…» [26, с. 12], «Были внимательно проанализированы данные ревизских переписей…» [26, с. 21]), определить («На основе ревизских сказок … выявлены типы крестьянских семей» [26, с. 21]), аргументировать: обосновать, доказать или опровергнуть («В ходе исследования не подтвердилось утверждение Б.Н. Миронова, что этот уровень постоянно, вплоть до середины XIX в. повышался» [26, с. 22]), а также сравнить и обобщить описываемые явления с привлечением фактов из истории собственной семьи («На примере реконструкции истории рода Саксельцевых скрыть эволюцию крестьянской семьи в контексте социально-экономических и общественно-политических процессов в российской истории конца XVII-XX вв.» [26, с. 11]).

Семейные истории могут приобретать форму и научных статей: например, свою работу «Дирижируя различиями: как я стал семейным психологом» Гарольд Гротевант начал с рассказа о собственном детстве и том, как оно заложило основы его будущих профессиональных интересов [39, с. 113-115]. В другой статье, написанной в соавторстве трёх членов семьи Флоренс Каслоу[9] и размещённой в научном «Журнале семейной психотерапии», анализируется её профессиональный вклад в семейную психологию и то влияние, которое оказала её профессиональная деятельность на жизнь семьи и её субъектов. Особое внимание авторы уделили семейной жизни психотерапевтов [43].

Семейные истории могут выступать средством анализа «организации внутренней картины жизни», помогают выявить их влияние на развитие личности и её представления о будущем: «Анализ семейных историй выживания/совладания позволил нам выявить некоторые закономерные тенденции трансгенерации копинга в семье» [27, с. 108].

В психологии семейная история является специальным объектом изучения, ведь «семейная сфера – мощный источник, который определяет психическое развитие и становление человека как личности» [10, с. 5].

Семейная психология как область знания является «направлением, которое фокусируется на развитии и апробации отношенческих теорий, оценивании и контроле терапевтических мероприятий и профилактических методиках работы с членами семей» [52, с. 169]. Исследователи изучают взаимосвязь семейной и позитивной психологии [51, с. 19], оценивают роль религии в семейном общении и её влияние на внутрисемейные отношения [45], сравнивают семейную психологию как научную дисциплину и семейную психотерапию как профессиональную деятельность и метод лечения [46], психологию семейного конфликта [20], психологические аспекты вопросов суррогатного материнства и «принадлежности» детей, родившихся подобным образом, к конкретной семье [42], исследуют родительский стресс в приёмных семьях в свете ключевых компонентов функционирования семьи [48] и психологические аспекты семейной жизни военнослужащих [41]. В работе «60 лет практики…» «отец» семейной психологии L'Abate обобщил собственный опыт работы в качестве клинического психолога, исследователя и преподавателя в области семейной психотерапии, приведя новейшие теоретические и эмпирические данные, а также результаты своих исследований в данной области на протяжении 60 лет [47].

Таким образом, в научном дискурсе семейные истории не только служат уточняющими примерами конкретных исследований, но могут становиться также их основным объектом. Учёные, публикующие собственные семейные истории в научных

[9] Флоренс Каслоу (1952) – известный американский психотерапевт, которая является практиком, теоретиком и основателем нескольких организаций, в том числе подразделения Американской ассоциации психологов «Семейная психология» и американской ассоциации семейной психологии.

изданиях, не только используют специальную терминологию, они также стремятся к детальному всестороннему изучению, а также обобщению или, напротив, подчёркиванию индивидуальных черт, ведь, даже повествуя об истории своей семьи, они остаются учёными, стремящимися исследовать все возможные стороны своего объекта (а именно в этой роли, как правило, выступают семейные истории в научном дискурсе), вывести общие закономерности или найти его специфические черты.

Но не только семейные истории как частные проявления знания о своей семьи включаются в научный дискурс. Научный дискурс оказывается как бы пронизанным семейной историей своих участников.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ

В данном типе дискурса функционируют тексты, нацеленные в первую очередь на популяризацию научного знания среди широких слоев населения. Его участниками являются, с одной стороны, представители научного сообщества, а с другой – все, кому потенциально интересна тема их исследований.

Богатый материал функционирования семейных историй в данном типе дискурса даёт американская культура. Авторы разработок способов фиксации и сохранения семейной истории стремятся популяризировать свои идеи не только через организацию собственных курсов и преподавание на них, но и с помощью книг, статей и размещения материалов в Интернете (нередкие сейчас Family and Genealogy Bloggers). При этом описание конкретных способов (как писать, описывать, структурировать и т.п.) иллюстрируется и собственными семейными историями, и семейными историями, авторами которых выступали слушатели их курсов. Многочисленные примеры мы находим, например, в книгах Life Writing Уильяма Дж. Хофманна и How to write your own life story: the classic guide for the non-professional writer Л. Даниэль. Целью коммуникации в этом типе дискурса является оказание воздействия на общество, в частности, стремление стимулировать его на сохранение историй своих семей. Здесь ярко проявляются такие характеристики научно-популярного дискурса, как «сознательное активное участие коммуникантов в общественно значимом действии, … вызванном к жизни всей совокупностью обстоятельств, в которых протекает жизнь коммуникантов, включая их личный опыт, нормы общества и доминанты культуры» [11, с. 44]. Именно апеллирование к личному опыту – как адресатов, так и своему собственному – служит причиной обращения к семейной истории в данном типе дискурса. Здесь собственные семейные истории служат в первую очередь наглядным примером, подтверждением пропагандируемых взглядов и иллюстрированием описываемых методик.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ

Активно используют семейную историю и политики, стремящиеся достичь своих политических целей всеми возможными способами.

Как указывает Н.П. Сиркия, политическая коммуникация «затрагивает все важные сферы человеческой жизни, оказывает влияние на судьбы, интересы и целевые установки людей» [28, с. 164]. Субъектами политической коммуникации выступают как политические лидеры и политические деятели, так и политические партии и объединения, «социальные группы и общество в целом» [28, с. 166]. Но выразителями взглядов любых сообществ всегда выступают конкретные индивиды, а у каждого конкретного индивида есть семья. Определяющим в политическом дискурсе является тот факт, что общение происходит между «представителями социальных институтов», что «навязывает субъектам определённые стратегии общения, при которых адресант является более активным и посредством

дискурсивных практик внушает адресату политические реалии, оценки и установки, а адресат … является более пассивным объектом воздействия» [28, с. 166].

В данном типе дискурса семейные истории, апеллируя в первую очередь к эмоциональной составляющей восприятия, могут стать, например, способом добиться расположения электората. Так, в статье «Чем запомнился … президент Обама» пятую позицию занимает определение «Заботливый внук»[10]. Как отмечают исследователи данного типа дискурса, именно фатическая (экспрессивная, эмотивная) коммуникация составляет важнейший пласт политического дискурса [28, с. 166].

Поскольку политические понятия по большей части абстрактны и сложны, политики апеллируют к субъективному опыту реципиентов. А что может быть понятнее и вызывать больший отклик у потенциальных избирателей, чем семейная история?! Поэтому мы не только читаем о «традициях крепкой семьи» и «недопустимости «беспардонного вмешательства в семейную жизнь»[11], о «ценности семьи» и её «ключевой роли в воспитании личности ребенка»[12], но и узнаем семейные истории самих политиков. Это, наверное, самый действенный способ для них представить себя не недосягаемым «политическим деятелем», а реальным, «близким к народу» человеком, пропагандирующим самые значимые в обществе ценности – семейные. Поэтому основной целью семейных историй в политическом дискурсе мы считаем манипулятивную. Семейная история неизбежно проникает в политический дискурс, но именно в нём она тщательно контролируется, мифологизируется, «обеляется» и демонстрируется исключительно в своих положительных проявлениях[13].

МЕДИЦИНСКИЙ

Семейная история довольно активно функционирует и в медицинском дискурсе, целью которого является «оказание квалифицированной помощи больному» [23, с. 167]. Рассмотрим для примера сферу коммуникативного взаимодействия специалистов-медиков и пациентов, основными коммуникативными стратегиями которого выступают диагностирующая, рекомендующая и лечащая, а главной целью – лечение, которое должно проводиться эффективно и по возможности безболезненно и комфортно. Поскольку важное место в медицине занимает диагностика, расспросы врачей о семейном анамнезе, задачей которых является как раз ранняя диагностика – выявление предрасположенностей к определённым заболеваниям, – являются стандартной формой опроса пациентов. Первый раз посетив молодую маму и новорожденного после выписки из роддома, врач, делая записи в медицинской карте, чертит там своеобразное «родословное древо» и, расспросив родных об известных им болезнях прямых предков ребёнка, вписывает в него информацию о потенциальных наследственных заболеваниях.

---

[10] «Президент США показал себя любящим внуком, который очень трепетно относится к своей бабушке. Когда она заболела, Обама отменил два предвыборных митинга и ближайшим рейсом полетел к ней. Однако республиканцы не поверили в искренность поступка Барака. Они заявили, что полет к бабушке на Гавайи – не что иное, как продуманный пиар-ход.
Обама, кстати, неоднократно заявлял, что очень привязан к своей бабушке. «Она воспитывала его с рождения и до того самого момента, как он уехал учиться в колледж», – рассказал тогда помощник лидера демократов Роберт Гиббс». Источник: http://www.amic.ru/voprosdnya/374811/ (дата обращения: 15.12. 2018).

[11] https://tass.ru/obschestvo/4765705 (дата обращения: 15.12. 2018).

[12] https://tass.ru/obschestvo/4867786 (дата обращения: 15.12. 2018).

[13] Не зря одним из способов очернить политиков является извлечение на суд общественности неприглядных сторон его/её семейной жизни. Поэтому, пожалуй, ни в каком другом дискурсе, нет такого стремления его участников представить свою семейную историю «идеальной».

В медицине применяется и генеалогический подход, который «предполагает составление и анализ родословной» с целью «определить тип следования болезни и, с учетом этих данных, предположить клинический диагноз болезни» [1, с. 179].

Распространённой практикой в ряде стран[14] является наличие «семейного врача»[15], когда лечением всех членов семьи занимаются не разные врачи, а один. Зарубежные исследователи признают семейную медицину (общую врачебную практику) «обязательной основой системы здравоохранения, которая является выгодной как с финансовой стороны, так и с точки зрения эффективности лечения» [36, с. 303]. Для такого врача значим уже не только анамнез конкретного пациента и наличие заболеваний у его прямых предков, а семейная история в целом. Как отмечают исследователи, такой врач может «эффективно воздействовать на многие факторы риска, особенно связанные с питанием и стилем жизни всей семьи» [34, 154]. Он также должен «учитывать особенности жизненного цикла семьи», а возможность вовлекать «членов семьи в процесс решения проблем пациента, связанных с профилактикой или лечением» [18, с. 10], является очень действенным инструментом для решения профессиональных задач.

Общеизвестна роль психосоматических факторов в развитии самых различных заболеваний. В этом случае огромное значение для медиков приобретает способность анализировать такие факты, как «социальные, психологические, бытовые условия жизни пациента и его семьи» [12, с. 34]: «с медико-биологической стороны изучению подлежит генеалогическая характеристика семьи, с медико-социальной – материальные условия, культурная жизнь семьи, психологические аспекты семейной жизни» [12, с. 34]. Как утверждают специалисты, семейный врач «оказывает социализирующее влияние на жизнь семьи в целом», поэтому его подготовка включает в том числе «усвоение коммуникационных стандартов, ориентированных на взаимодействие с семьёй и с каждым пациентом через его социальную роль члена семьи» [6, с. 15].

Примечательно, что многогранность специальности «Семейный врач» изображается графически – с помощью «Дерева WONCA[16]», которое «наглядно изображает основные компетенции и характеристики, присущие семейному врачу, а также ключевые принципы его работы» [4, с. 32]. А для изображения сложной системы родственных отношений используется родословное (генеалогическое) древо. Семейная символика применяется и при оформлении логотипов и плакатов WONCA. Таким образом данная сфера медицинского дискурса оказывается вся буквально пронизана семейной историей, используемой в данном случае в своей «прагматической» функции, – она выступает основой для диагностики и оказывает значительное влияние на выбор стратегии лечения: семейный врач «осуществляет медицинскую помощь пациентам с учётом особенностей их семьи, их сообщества, культуры», учитывая наравне с прочими «жизненные факторы, используя информацию и доверительные отношения, сложившиеся в ходе предыдущих контактов с пациентом» [4, с. 32].

[14] Который постепенно внедряется и у нас, но пока, к сожалению, не приобрел широкого распространения.

[15] Это «врач, который обеспечивает заботу о здоровье как для отдельных индивидов, так и для семей (в целом), тот, кто ведёт пациентов обоих полов всех возрастов, заботясь как об их физическом, так и поведенческом здоровье, а также оказывая помощь в отношении социально значимых проблем» [40, с. 166]. Семейные врачи имеют дело «со всеми проблемами со здоровьем, вне зависимости от возраста, пола и прочих характеристик пациента» [49, с. 323].

[16] WONCA – аббревиатура Всемирной организации семейных врачей (World Organization of National Colleges, Academies and Academic Associations of General Practitioners/ Family Physicians)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ

Педагогический дискурс понимается его исследователями как «объективно существующая система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса» [29, с. 85]. Его цель имеет трёхкомпонентный характер и относится не только к профессиональной, но также к общественной и личной сферам жизни. Данный тип дискурса формируется и функционирует в образовательных учреждениях. Как считает С.Л. Суворова, основным условием его эффективности и «показателем его гуманитарного качества выступает переход от академического изложения содержания образования к построению в ходе профессиональной подготовки «живого знания» [29, с. 85]. Важной признается «ценностная ориентация участников педагогического дискурса: признание и закрепление моральных ценностей общества, специальных ценностей педагогической этики, соблюдение социальных традиций» [29, с. 85]. А поскольку семейные истории имеют непосредственное отношение к обозначенным ценностям, они находят свое выражение и в данном типе дискурса. Так, например, в рамках вузовской дисциплины «Межкультурная коммуникация» большое значение уделяется рассмотрению базовых ценностей различных культур (именно к таковым относится семья), сохранению традиций и преемственности поколений, активно используется ориентация на личный опыт в ситуациях межкультурного взаимодействия. В подобных условиях семейные истории могут выступать в качестве конкретных примеров как при презентации материала, так и в рассуждениях студентов. В первом случае это помогает сделать презентуемую информацию более наглядной, «близкой», доступной для понимания, во втором – обеспечивает практико-ориентированность приобретаемого знания.

История семьи становится объектом изучения и в рамках среднего образования: школьники готовят проекты, посвящённые историям своих семей, на занятиях по «Окружающему миру», «Обществознанию», «Нравственным основам семейной жизни». Дети узнают историю своих семей, структурируют свои знания (облекая получаемую от родных информацию в определённую форму) – в результате этой деятельности они не только получают новые знания, развивают соответствующие умения и навыки, но и развивают «личностное миропонимание» [29, с. 86]. Таким образом, задействование в учебном процессе семейных историй учащихся становится стимулом для их развития как личностей.

РЕКЛАМНЫЙ

Рекламный дискурс в самом общем значении – тексты, «погружённые в ситуацию рекламного общения» [32, с. 76]. Они отличаются динамичностью, актуальностью, «воспринимаются участниками общения в контексте происходящих событий» [32, с. 76].

Традиционным является обращение рекламных текстов к семейным историям, поскольку «использование образа семьи в рекламе способно подсознательно приближать аудиторию, повышать её доверие к товару», что создаёт условия для стабильных, уверенных продаж» [32, с. 206]. Поскольку одной из основных задач рекламы является представление потребителями себя на месте действующих в ней персонажей, семейные истории (которые являются одной из основных форм сторителлинга) должны быть как можно более типичными для той целевой аудитории, на которую нацелена данная реклама. А что может быть типичнее семейного ужина (рекламный ролик бренда Barilla), поиска родителями подарков для своих детей (рекламы Three Mobile) или семейных праздников (реклама Huawei)?! Использование наряду с вербальными аудиовизуальных средств позволяет сделать сюжеты максимально правдоподобными, а это, в свою очередь, повышает доверие и интерес к рекламируемым товарам.

Чтобы сделать продвигаемую марку узнаваемой, маркетологи выстраивают «коммуникацию с потребителем», апеллируя к самой личной и обладающей высокой степенью значимости информации – к истории семьи. Например, для бренда «Русский сахар» маркетинговое агентство разработало «коммуникационную кампанию «Поделись семейной историей», целью которой являлся сбор «калейдоскопа уникальных семейных историй»[17]. А испанское отделение компании Ikea провело другую акцию – сняло в ролике несколько семей, которым нужно было ответить сначала на вопросы о знаменитостях и социальных медиа («Какую новую функцию добавил Инстаграм?», «Как познакомились герои YouTube?»), а затем – о членах семьи («Как познакомились ваши родители?», «Где работает твой папа?», «Какое образование у твоей бабушки?»). Если первая группа вопросов не вызвала у участников затруднений, то вторая показала, как мало знают люди о своих самых близких людях. Руководитель департамента рекламы и маркетинга «Нидан Соки» отмечает, что «обращение к вечным семейным ценностям работает, особенно когда ориентируешься на регионы, где люди живут небогато» [19]. Используя в качестве сюжетов типичные семейные истории, вызывая «искренние эмоции», маркетологи стремятся вызвать доверие к товару, стимулировать желание его приобрести. Так что в рекламном дискурсе семейная история снова приобретает манипулятивную функцию.

Обсуждение и заключения

Семейная история как совокупность знаемого об истории семьи проникает в различные типы дискурса: она как бы пронизывается различными типами дискурса в процессе нашей жизни. Выступая в различных социальных ролях, мы привносим в каждую из соответствующих сфер жизни историю своей семьи. При этом в разных типах дискурса на первое место выходят различные аспекты семейной истории: в медицинском освещаются прежде всего вопросы, связанные со здоровьем и образом жизни членов семьи; в межличностном происходит сохранение и передача знания о субъектах своей семьи, познание себя и человеческой природы, выражение своих чувств и мыслей; в педагогическом семейная история служит в первую очередь целям воспитания и развития личности; в политическом и рекламном происходит своеобразное «конструирование» семейных историй на основе реального знания; в научном она выступает объектом исследования, а в научно-популярном служит целям популяризации научного знания и способом «обменяться идеями и опытом» [14, с. 192].

С другой стороны, различные типы дискурса служат не только выразителями семейной истории, но и способами её сохранения: используя факты из истории семьи[18] в различных сферах нашей жизни, мы превращаем её в семейную историю[19]: расспрашивая маму про родных для заполнения медицинской карты, мы узнаём новую информацию (и сохраняем её для будущих поколений); подбирая факты для научной статьи, мы фиксируем их (и – снова – сохраняем); побуждая учеников и студентов к расспросам родных, мы

[17] Эксперты стратегической группы прокомментировали эту идею следующим образом: «в процессе исследования» они общались с людьми разного возраста, которые рассказывали им «не рафинированные, а глубокие, сугубо индивидуальные истории. При этом семейные». Так они поняли, что «у каждого есть, чем поделиться, и захотели, чтобы к этим историям мог прикоснуться каждый». Источник: http://primmarketing.ru/creative/2013/07/03/podelis (дата обращения: 25.12.2018).

[18] Как совокупности информации.

[19] Как контент, фигурирующий в коммуникативном пространстве и передающий соответствующие знания другим.

способствуем включению в коммуникативное пространство их семей большего количества историй; просматривая рекламные ролики, мы вспоминаем аналогичные истории из собственной жизни и жизни нашей семьи и т.д. Поэтому, проследив, каким образом различные типы дискурсов пронизывают семейную историю, мы также можем определить основные типы источников информации, которые могут помочь нам при её фиксации и сохранении.

Список использованных источников

1. Агафонов Б.В., Жученко Л.А., Калиненкова С.Г., Котов С.В., Неретин В.Я., Сидорова О.П., Кузьмичева Н.А., Селиванова Е.А., Шестопалова Е.А. Генетика в практике семейного врача // Альманах клинической медицины. 2004. №7. С. 179-187. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=9464905 (дата обращения: 21.12.2018).
2. Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И. Текст и дискурс: учебное пособие для магистрантов. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 232 с.
3. Безрукова Л.Н. «И весь как сон прошёл твой век»… Дневник жены командира РККА за 1938-1941 гг. // Пространство и время. 2017. №1(27) С. 136-152. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29065442 (дата обращения: 21.10.2018).
4. Бримкулов Н.Н., Сыдыкова С.Ж., Жайлообаева А.Т., Кубанычбек К.М., Шаповалова А., Ботбаева Э., Нурдинов Б., Ошбаева А., Кожокулова Н., Осмонканова Н., Запар К.З. Семейные врачи – лидеры на пути к лучшему здоровью // Вестник КГМА им. И.К. Ахунбаева. 2018. №1. С. 31-36. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35617693 (дата обращения: 21.12.2018).
5. Бусырева Е.В. Этническая идентичность представителей семей с финской родословной (Мурманская область) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, №3. С. 78-89. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30682497 (дата обращения: 21.12. 2018).
6. Варгина С.А., Приз Е.В., Руденко А.Ю. Семейный врач – чужой в городе? // Социология города. 2011. №3. С. 15-21. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19122611 (дата обращения: 21.12.2018).
7. Васильева Е.В., Стрельникова А.В. Биографическая память городских семей: опыт анализа фотоальбомов // Вестник РГГУ. Серия: Философия, Социология, Искусствоведение. 2012. №2(82). С. 288-304. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=17565206 (дата обращения: 25.11.2018)
8. Городилина М.В. Диалог с историей своей семьи: зарубежный опыт исследования // Педагогика и психология образования. 2017. №2. С. 110-119. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29762056 (дата обращения: 15.11.2018).
9. Граматчикова Н.Б. Метаморфозы семейной истории: от Сигитовых к Эльстон-Бironам // Сибирские исторические исследования. 2017. №3. С. 192-220. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30071061 (дата обращения: 15.10.2018). DOI: 10.17223/2312461X/17/11.
10. Доманецкая Л.В. Психология семьи и семейного воспитания. Уч. пособие. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. 2013. 212 с. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21355593 (дата обращения: 29.11.2018).
11. Егорова Л.А. К вопросу об определении понятия «научно-популярный дискурс» // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания».

2009. №1. С. 42-46. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=11731868 (дата обращения: 25.11.2018).

12. Иванова Г.В., Полятыкина Т.С., Севастьянова Г.И. Изучение влияния внутрисемейных отношений на эффективность профилактики и лечения артериальной гипертензии (в практике семейного врача) // Вестник Ивановской медицинской академии. 2007. Т. 12, №3-4. С. 34-35. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=12895817 (дата обращения: 19.12.2018).
13. Иголкин К.С., Домрачев С.С. Информированность граждан о своей семейной истории и её роль в формировании социально-исторической памяти // Социум и власть. 2016. №5(61). С. 43-48. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=27412198 (дата обращения: 19.10.2018).
14. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
15. Красина М.Н. Дискурс, дискурс-анализ методы их применения в междисциплинарных проектах // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2018. №2. С. 159-165.
16. Красноборов М.А. Механизмы взаимодействия семейной и общенациональной исторической памяти в процессе формирования локальной идентичности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. №3. С. 123-131. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=30107586 (дата обращения: 24.10.2018). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.3.10
17. Крих А.А. Скуратовы: семейная история в исторической ретроспективе (XVIII-XX века) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. №1(13). С. 85-91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/skuratovy-semeynaya-istoriya-v-istoricheskoy-retrospektive-xvii-xx-veka (дата обращения: 15.10.2018)
18. Кузнецова О.Ю. Введение в семейную медицину // Российский семейный врач. 2007. Т. 11, №2. С. 8-19. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=11741794 (дата обращения: 15.12.2018).
19. Курин А. Семейные ценности. Почему ролики «Нидан» побуждают голосованиях // Индустрия рекламы. 2007. №15-16. URL: http://adindustry.ru/doc/798 (дата обращения: 12.12.2018).
20. Лобастова Н.В. Психология семейного конфликта // Приоритетные научные направления: о теории к практике: сборник материалов XXXVIII Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2017. С. 94-98. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=29174651 (дата обращения: 24.10.2018).
21. Макушева Ж.Н. Изучение структурности текста статьи научного медицинского дискурса // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. №7(196). С. 15-18. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=36351328 (дата обращения: 29.12.2018).
22. Никульшина Н.Л. Письменный научный дискурс как объект моделирования в учебных целях // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 3 (59). С. 245-250. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=10333149 (дата обращения: 29.10.2018).
23. Овшиева Н.Л. К вопросу о различиях в понимании термина «дискурс» // Вестник ОГУ. 2004. № 11. С. 165-169. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=11660470 (дата обращения: 19.10.2018).
24. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учебное пособие. 3-е изд. М.: ФЛИНТА: Наука, 2009. 224 с.

25. Романов А.А. Политический дискурс в системе социально-институциональной практики // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2007. №9. С. 8-13. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=11565394 (дата обращения: 13.11.2018).
26. Саксельцев Г.И. Эволюция крестьянской семьи в российской истории конца XVII-XX вв. (на примере рода Саксельцевых): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2013. 310 с.
27. Сапоровская М.В., Золотова М.А. Трансгенерации в семье в русле нарративного подхода: семейные истории выживания/совладания // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2013. Т. 19, №1. С. 106-110. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=19109418 (дата обращения: 23.11.2018).
28. Сиркия Н.П. Политический дискурс vs политический интернет-дискурс: сходства и различия (когнитивный аспект) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, №2-2. С. 164-170. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=35085351 (дата обращения: 13.11.2018). DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2/2-164-170
29. Суворова С.Л. Феноменология исследования понятий «дискурс» и «педагогический дискурс» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2012. №4(263). С. 84-87. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=17715202 (дата обращения: 13.11.2018).
30. Тимошина Н.А. Значение архивных документов личного происхождения в исследовании истории развития культуры Кировско-Апатитского региона // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9, №2-13. С. 10-15. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=34957466 (дата обращения: 29.12.2018). DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.10-15.
31. Толпыгина О.А. Дискурс и дискурс-анализ в политической науке // Политическая наука. 2002. №3. С. 76-89. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=1232778 (дата обращения: 13.12.2018).
32. Тхао Ву Т.Ф. Семейные ценности в рекламных текстах в национально-культурном аспекте // Знание. Понимание. Умение. 2012. №4. С. 206-210. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-tsennosti-v-reklamnyh-tekstah-v-natsionalno-kulturnom-aspekte (дата обращения: 17.11.2018).
33. Тюрина С.Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // Вестник Ивановского государственного энергетического университета им. В.И. Ленина. 2009. №1. С. 75-77. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=12849203 (дата обращения: 17.11.2018).
34. Шевцова Н.Н. Особенности подхода к вопросам диагностики, профилактики и лечения остеопороза в практике семейного врача // Альманах клинической медицины. 2004. №7. С. 148-159. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=9464902 (дата обращения: 15.12.2018).
35. Dellios A. Memory and Family in Australian Refugee Histories // Immigrants & Minorities. 2018. Vol. 36, no. 2. Pp. 79-86. DOI: 10.1080/02619288.2018.1471860
36. Evans P.R. A portrait of the discipline of general practice/family medicine // Journal of Interprofessional Care. 2004. Vol. 18, no. 3. Pp. 303-315. DOI: 10.1080/13561820410001731340
37. Frude N., Killick S. Family storytelling and the attachment relationship // Psychodynamic Practice. 2011. Vol. 17, no. 4. Pp. 441-455. DOI: 10.1080/14753634.2011.609025
38. Gagalis-Hoffman K., Zabriskie R. B., Freeman P. A. A Retrospective Consideration of Recreational Family Storytelling Among Parents and Their Adult Children // Marriage & Family Review. 2016. Vol. 52, no. 4. Pp. 392-412. DOI: 10.1080/01494929.2015.1100696

39. Grotevant H. D. Orchestrating Differences // Marriage & Family Review. 2002. Vol. 31, no. 3-4. Pp. 113-127. DOI: 10.1300/J002v31n03_07
40. Hagemeister D.T., Pal A., Naidoo N., Kristen U., Mokgosana N., Joubert G. Undergraduate medical students' interest in specialising in Family Medicine at the University of the Free State, 2014 // South Africa Family Practice. 2017. Vol. 59, no. 5. Pp. 166-171. DOI: 10.1080/20786190.2017.1317977
41. Hogg J., Hart A., Collins Z. V. Service family support – a small-scale project of educational psychologists working with parents // Educational Psychology in Practice. 2014. Vol. 30, no. 2. Pp. 167-180. DOI: 10.1080/02667363.2014.899488
42. Kaslow F., Schwartz L.L. To whom does the fetus or baby belong? Surrogate motherhood and family psychology/therapy // The American Journal of Family Therapy. 1990. Vol. 18, no. 4. Pp. 385-392. DOI: 10.1080/01926189008250987
43. Kaslow N.J., Kaslow S., Kaslow H.I. Family Togetherness // Journal of Family Psychotherapy. 2004. Vol. 15, no. 1-2. Pp. 235-250. DOI: 10.1300/J085v15n01_17
44. Kellas J.K. Family Ties: Communicating Identity Through Jointly Told Family Stories // Communication Monographs. 2005. Vol. 72, no. 4. Pp. 365-389. DOI: 10.1080/03637750500322453.
45. Krok D. Examining the role of religion in a family setting: religious attitudes and quality of life among parents and their adolescent children // Journal of Family Studies. 2018. Vol. 24, no. 3. Pp. 203-218. DOI: 10.1080/13229400.2016.1176589
46. L'abate L. Family psychology and family therapy: Comparisons and contrasts // The American Journal of Family Therapy. 1992. Vol. 20, no. 1. Pp. 3-12 DOI: 10.1080/01926189208250871
47. L'Abate L. Highlights From 60 Years of Practice, Research, and Teaching in Family Therapy // The American Journal of Family Therapy. 2015. Vol. 43, no. 2. Pp. 180-196. DOI: 10.1080/01926187.2014.1002367
48. León E., Palacios J., Román M., Moreno C., Peñarrubia M.G. Parental stress, family functioning and children's psychological adjustment in adoptive families: A comparative and longitudinal study // Family Science. 2015. Vol. 6, no. 1. Pp. 50-57. DOI: 10.1080/19424620.2015.1080991
49. Michels N., Maagaard R., Buchanan J., Scherpbier N. Educational training requirements for general practice/family medicine specialty training: recommendations for trainees, trainers and training institutions // education for primary care. 2018. Vol. 29, no. 6. Pp. 322-326. DOI: 10.1080/14739879.2018.1517391
50. Prins E. Digital storytelling in adult education and family literacy: a case study from rural Ireland // Learning, Media and Technology. 2017. Vol. 42, no. 3. Pp. 308-323. DOI: 10.1080/17439884.2016.1154075
51. Shapiro A. The Theme of the Family in Contemporary Society and Positive Family Psychology // Journal of Family Psychotherapy. 2004. Vol. 15, no. 1-2. Pp. 19-38. DOI: 10.1300/J085v15n01_03
52. Sperry L., L'Abate L. The Acknowledged Father of Family Psychology // The American Journal of Family Therapy. 2016. Vol. 44, no. 4. Pp. 169-171. DOI: 10.1080/01926187.2016.1203193
53. Thomson P.A., Schrodt P. Perceptions of Joint Family Storytelling as Mediators of Family Communication Patterns and Family Strengths // Communication Quarterly. 2015. Vol. 63, no. 4. Pp. 405-426. DOI: 10.1080/01463373.2015.1058286.

54. Thorson A.R., Rittenour C.E., Kellas J.K., Trees A.R. Quality Interactions and Family Storytelling // Communication Reports. 2013. Vol. 26, no. 2. Pp. 88-100. DOI: 10.1080/08934215.2013.797482

References

1. Agafonov B.V., ZHuchenko L.A., Kalinenkova S.G., Kotov S.V., Neretin V.YA., Sidorova O.P., Kuz'micheva N.A., Selivanova E.A., SHestopalova E.A. Genetics in the practice of a family doctor. *Al'manah klinicheskoj mediciny*, 2004, no. 7, pp. 179-187. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=9464905 (accessed: 21.12.2018). (in Russ.)
2. Alefirenko N.F., Golovaneva M.A., Ozerova E.G., Chumak-Zhun' I.I. Text and discourse: a textbook for undergraduates. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2012. 232 p. (in Russ.)
3. Bezrukova L.N. "And all as a dream passed your age" ... The diary of the wife of the commander of the Red Army for 1938-1941. *Prostranstvo i vremya*, 2017, no. 1(27), pp. 136-152. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=29065442 (accessed 21.10.2018). (in Russ.)
4. Brimkulov N.N., Sydykova S.ZH., Zhajloobaeva A.T., Kubanychbek K.M., Shapovalova A., Botbaeva EH., Nurdinov B., Oshbaeva A., Kozhokulova N., Osmonkanova N., Zapar K.Z. Family doctors - leaders on the path to better health. *Vestnik KGMA im. I.K. Ahunbaeva*, 2018, no. 1, pp. 31-36. https://elibrary.ru/item.asp?id=35617693 (accessed 21.12.2018). (in Russ.)
5. Busyreva E.V. Ethnic identity of representatives of families with Finnish ancestry (Murmansk region). *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij*, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 78-89. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=30682497 (accessed 21.12.2018). (in Russ.)
6. Vargina S.A., Priz E.V., Rudenko A.YU. Family doctor - a stranger in the city? *Sociologiya goroda*, 2011, no. 3, pp. 15-21. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=19122611 (accessed 21.12.2018). (in Russ.)
7. Vasil'eva E.V., Strel'nikova A.V. Biographical memory of urban families: the experience of analyzing photo albums. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya, Sociologiya, Iskusstvovedenie*, 2012, no. 2 (82), pp. 288-304. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=17565206 (accessed 25.11.2018). (in Russ.)
8. Gorodilina M.V. Dialogue with the history of his family: foreign research experience. *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya*, 2017, no. 2, pp. 110-119. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=29762056 (accessed 15.11.2018). (in Russ.)
9. Gramatchikova N.B. Metamorphosis of family history: from the Sigitovs to Elston-Biron. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, 2017, no. 3, pp. 192-220. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=30071061 (accessed 15.10.2018). DOI: 10.17223 / 2312461X / 17/11. (in Russ.)
10. Domaneckaya L.V. Psychology of family and family education. Uch. allowance. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafieva. 2013, 212 p. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=21355593 (accessed 29.11.2018). (in Russ.)
11. Egorova L.A. On the definition of the concept of "popular science discourse". *Vestnik RUDN. Seriya «Russkij i inostrannyj yazyki i metodika ih prepodavaniya»*, 2009, no. 1, pp. 42-46. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=11731868 (accessed 25.11.2018). (in Russ.)
12. Ivanova G.V., Polyatykina T.S., Sevast'yanova G.I. Study of the influence of family relations on the effectiveness of prevention and treatment of arterial hypertension (in the practice of a family doctor). *Vestnik Ivanovskoj medicinskoj akademii*, 2007, vol. 12, no. 3-4, pp. 34-35. . Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=12895817 (accessed 19.12.2018). (in Russ.)

13. Igolkin K.S., Domrachev S.S. Citizens' awareness of their family history and its role in the formation of socio-historical memory. *Socium i vlast'*, 2016, no. 5(61), pp. 43-48. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=27412198 (accessed 19.10.2018). (in Russ.)
14. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russ.)
15. Krasina M.N. Discourse, discourse analysis methods of their use in interdisciplinary projects. *Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya»,* 2018, no. 2, pp. 159-165. (in Russ.)
16. Krasnoborov M.A. Mechanisms of interaction of family and national historical memory in the process of formation of local identity. *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie nauki*, 2017, no. 3, pp. 123-131. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=30107586 (accessed: 24.10.2018). DOI: 10.15593 / 2224-9354 / 2017.3.10 (in Russ.)
17. Krih A.A. Skuratov: family history in a historical retrospective (XVIII-XX century). *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»,* 2017, no. 1(13), pp. 85-91. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/skuratovy-semeynaya-istoriya-v-istoricheskoy-retrospektive-xvii-xx-veka (accessed: 15.10.2018) (in Russ.)
18. Kuznecova O.YU. Introduction to family medicine. *Rossijskij semejnyj vrach*, 2007, vol. 11, no. 2, pp. 8-19. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=11741794 (accessed: 15.12.2018). (in Russ.)
19. Kurin A. Family values. Why are the Nidan commercials prompting voting. *Industriya reklamy*, 2007, no. 15-16. Available at: http://adindustry.ru/doc/798 (accessed: 12.12.2018). (in Russ.)
20. Lobastova N.V. Psychology of family conflict. *Prioritetnye nauchnye napravleniya: o teorii k praktike: sbornik materialov XXXVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*, Novosibirsk, 2017, pp. 94-98. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=29174651 (accessed: 24.10.2018). (in Russ.)
21. Makusheva ZH.N. The study of the structure of the text of the article of the scientific medical discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, no. 7 (196), pp. 15-18. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=36351328 (accessed: 29.12.2018). (in Russ.)
22. Nikul'shina N.L. Written scientific discourse as an object of modeling for educational purposes. *Vestnik TGU,* 2008, vol. 3 (59), pp. 245-250. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=10333149 (accessed: 29.10.2018). (in Russ.)
23. Ovshieva N.L. On the issue of differences in the understanding of the term "discourse". *Vestnik OGU*, 2004, no. 11, pp. 165-169. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=11660470 (accessed: 19.10.2018). (in Russ.)
24. Prohorov YU.E. Actuality. Text. Discourse: study guide. 3rd ed. Moscow, FLINTA Publ., Nauka Publ., 2009. 224 p. (in Russ.)
25. Romanov A.A. Political discourse in the system of social and institutional practice. *Mir lingvistiki i kommunikacii: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal*, 2007, no. 9, pp. 8-13. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=11565394 (accessed: 13.11.2018). (in Russ.)
26. Saksel'cev G.I. The evolution of the peasant family in Russian history at the end of the XVII-XX centuries. (on the example of the genus Sakseltsevs). The dissertation of the candidate of historical sciences. 07.00.02. Tomsk, 2013. 310 p. (in Russ.)
27. Saporovskaya M.V., Zolotova M.A. Transgeneration in the family in line with the narrative approach: family stories of survival / coping. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo*

universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika, 2013, vol. 19, no. 1, pp. 106-110. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=19109418 (accessed: 23.11.2018). (in Russ.)

28. Sirkiya N.P. Political discourse vs political Internet discourse: similarities and differences (cognitive aspect). *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2018, vol. 10, no. 2-2, pp. 164-170. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=35085351 (accessed: 13.11.2018). DOI: 10.17748 / 2075-9908-2018-10-2 / 2-164-170 (in Russ.)
29. Suvorova S.L. Phenomenology of the study of the concepts of "discourse" and "pedagogical discourse". *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki*, 2012, no. 4(263). P. 84-87. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=17715202 (accessed: 13.11.2018). (in Russ.)
30. Timoshina N.A. The value of archival documents of personal origin in the study of the history of culture of the Kirov-Apatity region. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN*, 2018, vol. 9, no. 2-13, pp. 10-15. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=34957466 (accessed: 12.29.2018). DOI: 10.25702 / KSC.2307-5252.2018.9.2.10-15. (in Russ.)
31. Tolpygina O.A. Discourse and discourse analysis in political science. *Politicheskaya nauka*, 2002, no. 3, pp. 76-89. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=1232778 (accessed: 13.12.2018). (in Russ.)
32. Thao Vu T.F. Family Values in Promotional Texts in the National-Cultural Aspect. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2012, no. 4, pp. 206-210. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-tsennosti-v-reklamnyh-tekstah-v-natsionalno-kulturnom-aspekte (accessed: 17.11.2018). (in Russ.)
33. Tyurina S.YU. On the concepts of advertising discourse and advertising text. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo ehnergeticheskogo universiteta im. V.I. Lenina*, 2009, no. 1, pp. 75-77. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=12849203 (accessed: 17.11.2018). (in Russ.)
34. Shevcova N.N. Features of the approach to the diagnosis, prevention and treatment of osteoporosis in the practice of the family doctor. *Al'manah klinicheskoj mediciny*, 2004, no. 7, pp. 148-159. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=9464902 (accessed: 15.12.2018). (in Russ.)
35. Dellios A. Memory and Family in Australian Refugee Histories. *Immigrants & Minorities*, 2018, vol. 36, no. 2, pp. 79-86. DOI: 10.1080/02619288.2018.1471860
36. Evans P.R. A portrait of the discipline of general practice/family medicine. *Journal of Interprofessional Care*, 2004, vol. 18, no. 3, pp. 303-315. DOI: 10.1080/13561820410001731340
37. Frude N., Killick S. Family storytelling and the attachment relationship. *Psychodynamic Practice*, 2011, vol. 17, no. 4, pp. 441-455. DOI: 10.1080/14753634.2011.609025
38. Gagalis-Hoffman K., Zabriskie R. B., Freeman P. A. A Retrospective Consideration of Recreational Family Storytelling Among Parents and Their Adult Children. *Marriage & Family Review*, 2016, vol. 52, no. 4, pp. 392-412. DOI: 10.1080/01494929.2015.1100696
39. Grotevant H. D. Orchestrating Differences. *Marriage & Family Review*, 2002, vol. 31, no. 3-4, pp. 113-127. DOI: 10.1300/J002v31n03_07
40. Hagemeister D.T., Pal A., Naidoo N., Kristen U., Mokgosana N., Joubert G. Undergraduate medical students' interest in specialising in Family Medicine at the University of the Free State, 2014. *South Africa Family Practice*, 2017, vol. 59, no. 5, pp. 166-171. DOI: 10.1080/20786190.2017.1317977

41. Hogg J., Hart A., Collins Z. V. Service family support – a small-scale project of educational psychologists working with parents. *Educational Psychology in Practice*, 2014, vol. 30, no. 2, pp. 167-180. DOI: 10.1080/02667363.2014.899488
42. Kaslow F., Schwartz L.L. To whom does the fetus or baby belong? Surrogate motherhood and family psychology/therapy. *The American Journal of Family Therapy*, 1990, vol. 18, no. 4, pp. 385-392. DOI: 10.1080/01926189008250987
43. Kaslow N.J., Kaslow S., Kaslow H.I. Family Togetherness. *Journal of Family Psychotherapy*, 2004, vol. 15, no. 1-2, pp. 235-250. DOI: 10.1300/J085v15n01_17
44. Kellas J.K. Family Ties: Communicating Identity Through Jointly Told Family Stories. *Communication Monographs*, 2005, vol. 72, no. 4, pp. 365-389. DOI: 10.1080/03637750500322453.
45. Krok D. Examining the role of religion in a family setting: religious attitudes and quality of life among parents and their adolescent children. *Journal of Family Studies*, 2018, vol. 24, no. 3, pp. 203-218. DOI: 10.1080/13229400.2016.1176589
46. L'abate L. Family psychology and family therapy: Comparisons and contrasts. *The American Journal of Family Therapy*, 1992, vol. 20, no. 1, pp. 3-12 DOI: 10.1080/01926189208250871
47. L'Abate L. Highlights From 60 Years of Practice, Research, and Teaching in Family Therapy. *The American Journal of Family Therapy*, 2015, vol. 43, no. 2, pp. 180-196. DOI: 10.1080/01926187.2014.1002367
48. León E., Palacios J., Román M., Moreno C., Peñarrubia M.G. Parental stress, family functioning and children's psychological adjustment in adoptive families: A comparative and longitudinal study. *Family Science*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 50-57. DOI: 10.1080/19424620.2015.1080991
49. Michels N., Maagaard R., Buchanan J., Scherpbier N. Educational training requirements for general practice/family medicine specialty training: recommendations for trainees, trainers and training institutions. *Education for primary care*, 2018, vol. 29, no. 6, pp. 322-326. DOI: 10.1080/14739879.2018.1517391
50. Prins E. Digital storytelling in adult education and family literacy: a case study from rural Ireland. *Learning, Media and Technology*, 2017, vol. 42, no. 3, pp. 308-323. DOI: 10.1080/17439884.2016.1154075
51. Shapiro A. The Theme of the Family in Contemporary Society and Positive Family Psychology. *Journal of Family Psychotherapy*, 2004, vol. 15, no. 1-2, pp. 19-38. DOI: 10.1300/J085v15n01_03
52. Sperry L., L'Abate L. The Acknowledged Father of Family Psychology. *The American Journal of Family Therapy*, 2016, vol. 44, no. 4, pp. 169-171. DOI: 10.1080/01926187.2016.1203193
53. Thomson P.A., Schrodt P. Perceptions of Joint Family Storytelling as Mediators of Family Communication Patterns and Family Strengths. *Communication Quarterly*, 2015, vol. 63, no. 4, pp. 405-426. DOI: 10.1080/01463373.2015.1058286.
54. Thorson A.R., Rittenour C.E., Kellas J.K., Trees A.R. Quality Interactions and Family Storytelling. *Communication Reports*, 2013, vol. 26, no. 2, pp. 88-100. DOI: 10.1080/08934215.2013.797482

© Помникова А.Ю., 2019

Информация об авторе

Помникова Анна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Российская Федерация, e-mail: pomnikova_a@mail.ru

Author Information

Pomnikova Anna Yuryevna – Candidate of philological sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language, Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivistok, Russian Federation, e-mail: pomnikova_a@mail.ru

Поступила в редакцию: 15.01.2019
Принята к публикации: 05.02.2019
Опубликована: 25.03.2019